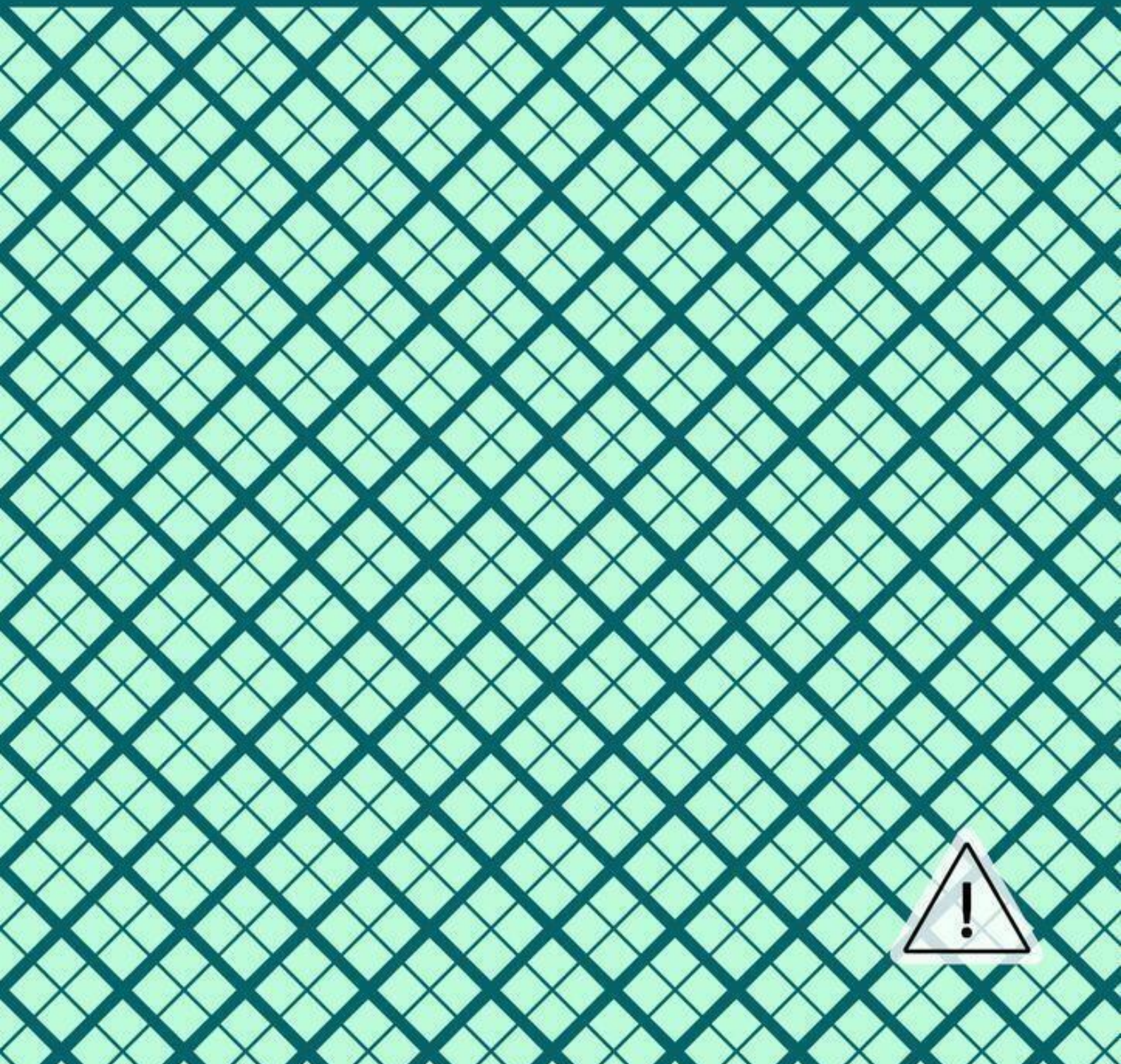
18+

Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Книга 4

Книга 4: Флот пепла

Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Книга 4. Книга 4: Флот пепла

«Издательские решения»

Качеев М.

Мрак и вакцина. Книга 4. Книга 4: Флот пепла / М. Качеев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Мрак и вакцина. Книга 4: Флот пепла» — финал постапокалипсиса М. Качеева. Байкер Силас и иммунная Яна добираются до Сан-Франциско, где сталкиваются с диктатурой Адмирала Коула. Герои топят его супертанкер, взрывают базу на Алькатрасе и уничтожают угрозу с помощью старой торпеды. Фаг освобождает берег от гриба, а напарники уезжают в мирное будущее.

© Качеев М.
© Издательские решения

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ 6
ПРОЛОГ. РЖАВЫЙ ЯКОРЬ 7
ЧАСТЬ I: ТУМАН ЗОЛОТЫХ ВОРОТ 9
Глава 1. Пирс Форта Бейкер 9
Глава 2. Скала в сером молоке 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Мрак и вакцина. Книга 4
Книга 4: Флот пепла

Михаил Качеев

© Михаил Качеев, 2026

ISBN 978-5-0071-6288-3 (т. 4)
ISBN 978-5-0071-6215-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

— Пролог. Ржавый якорь
— Часть I: Туман Золотых Ворот
— Глава 1. Пирс Форта Бейкер
— Глава 2. Скала в сером молоке
— Глава 3. Пар, мазут и черная вода
— Глава 4. Кингстоны Левиафана
— Глава 5. Чрево железного кита
— Глава 6. Прыжок через якорный клюз
— Часть II: Мертвая гавань Сан-Франциско
— Глава 7. Цена крови в Вольной Гавани
— Глава 8. Гарпуны в тумане
— Глава 9. Водяное горло Хантерс-Пойнт
— Глава 10. Стальной затвор дока №4
— Часть III: Огненный док
— Глава 11. Осада на стальном гребне
— Глава 12. Пятьдесят тысяч тонн огня
— Часть IV: Последний калибр
— Глава 13. Стальная сигара ангара №7
— Глава 14. Семьдесят шесть миллиметров стали
— Глава 15. Последний вахтенный журнал
— Эпилог. Дорога у края воды

ПРОЛОГ. РЖАВЫЙ ЯКОРЬ

На ходовом мостике госпитального супертанкера USNS «Mercy» — бывшего плавучего чуда американского милосердия, а ныне бронированного флагмана «Ковчега-Тихого» — пахло не лекарствами. Здесь пахло старым флотским суриком, остывшим кофе из ячменя и сырой океанской солью, разъедавшей латунь приборов.

За толстыми, зелеными от времени иллюминаторами рубки на высоте девятиэтажного дома над водой качался на свинцовой зыби залива целый железный архипелаг.

Двадцать восемь сцепленных стальными тросами, сварными мостами и якорными цепями мертвых судов: сухогрузы-контейнеровозы с грядками гидропонной капусты на палубах, ржавые нефтяные баржи, превращенные в бараки для гребцов и ремонтников, плавучие краны и старый ракетный фрегат без боекомплекта, но со спаренными пулеметами на баке. Двадцать лет этот железный остров жил по одному закону: суша мертва, суша принадлежит грибу, а всякий, кто хочет дышать чистым воздухом и пить пресную воду из корабельных опреснителей, платит дань Флоту.

Дверь радиорубки за спиной командующего глухо скрипнула.

Высокий, сухопарый старик в безупречно вычищенном, хоть и потертом на локтях темно-синем кителе с золотыми нашивками контр-адмирала ВМС США не обернулся от карты залива. В левой руке Артур Коул держал латунный параллельный транспортир, а правой медленно вращал колесико старого механического хронометра.

— Докладывай, лейтенант, — голос Адмирала звучал сухо, как шелест пергамента. — Станция на горе Тамалпаис подтвердила пеленг?

Молодой связист в черном бушлате с нашивкой белого якоря в колючей проволоке вытянулся у порога, протягивая бланк расшифровки:

— Так точно, сэр. Передача с гидроузла озера Тахо шла открытым кодом на частотах довоенной гражданской обороны. Они запустили подземный биореактор три недели назад. Доктор Хейл утверждает, что курьеры доставили им с востока сто двенадцать ампул стабильного микофага и живого носителя с полной клеточной резистентностью. Они называют это «Штамм-Яна». По расчетам наших биологов из третьего трюма, если распылить этот фаг по ветру в долине Сакраменто, цепочка спор выжжет дикий мицелий до самого побережья за четыре месяца.

Адмирал Коул медленно опустил транспортир на стекло морской карты. Его узкое, изрезанное глубокими морщинами лицо со следами старого порохового ожога на скуле оставалось совершенно неподвижным.

— Четыре месяца, — тихо повторил он, глядя через иллюминатор на окутанные туманом развалины Сан-Франциско в трех милях к югу. — Ты знаешь, что случится через четыре месяца, если береговые общины от Вальехо до Монтерея поймут, что зараза ушла сама собой, лейтенант?

— Люди смогут вернуться на землю, сэр? — неуверенно произнес молодой офицер.

Адмирал Коул горько усмехнулся, оторвав взгляд от карты, и медленно прошелся вдоль ряда потухших радарных консолей, заложив руки за спину.

— Вернуться на землю, говоришь, мальчик? Ты родился за год до Катастрофы и помнишь берег только по картинкам в корабельной библиотеке. А я помню, как горел Сан-Франциско в первые две недели. Я помню, как люди, у которых кончилась вода и фильтры для противогазов, убивали соседей за место на спасательном катере и стреляли в спину собственным врачам. Суша не делает человека свободным, лейтенант. Суша без узды делает его зверем.

— Но ведь вакцина с озера Тахо уничтожает сам кордицепс, сэр, — осторожно заметил связист, сжимая папку. — Если гриб погибнет, исчезнет сама причина страха…

— И вместе с причиной страха исчезнет причина подчиняться приказам! — голос Коула зазвенел металлом. — Сегодня двадцать восемь кораблей моего Ковчега и двенадцать рыбацких коммун на берегу живут как единый часовой механизм только потому, что раз в две недели им нужна моя ампула ингибитора из четвертого трюма. Каждый гребец на барже, каждый токарь в трюме и каждый рыбак в Сосалито знает: без Флота он через месяц прорастет спорами изнутри. На этом держится порядок! На этом держится цивилизация! А если эта девчонка из Вайоминга подарит им бесплатное бессмертие от гриба — завтра же утром половина моих мотористов бросит вахту, угонит катера на берег и начнет делить старые склады оружием. Я не позволю кучке сухопутных бродяг разрушить единственное государство на Тихом океане.

Адмирал повернулся к селектору внутренней корабельной связи и нажал черную эбонитовую клавишу дежурного по абордажному дивизиону:

— Капитан Воррен. Первую группу перехвата на катерах «Кайман» — к пирсу форта Бейкер под северным пилоном Золотых Ворот. Только что наблюдательный пост на башне моста доложил о звуке тяжелого мотоциклетного двигателя на верхнем серпантине Марин-Хедлендс. Это разведка с Тахо. Мне нужна девчонка-носитель — живой, с целыми венами и неповрежденным костным мозгом. Мужчину, который ее сопровождает, — в расход на месте. Выполнять.

ЧАСТЬ I: ТУМАН ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Глава 1. Пирс Форта Бейкер

Серпантин старой военной дороги Конзельман-роуд нырял с солнечной вершины утеса прямо в белое, холодное молоко берегового тумана.

Видимость упала со ста ярдов до двадцати за полминуты. Густая тихоокеанская влага мгновенно осела на горячих ребрах цилиндров «Харлея» шипящими каплями, залила стекла защитных очков и наполнила воздух удушливым запахом гниющих на камнях водорослей-келпа, ржавого железа и горелого флотского мазута.

Силас не включал фару. Выжав сцепление левой рукой на самом верху крутого спуска и переключив коробку на вторую передачу, он вообще выключил тумблер зажигания, пустив тяжелый полутонный мотоцикл с коляской вниз под уклон накатом — на чистом сопротивлении компрессии медленно проворачивающихся без искры поршней!

Вместо громового баса выхлопа в белом тумане слышалось лишь тихое, ритмичное пыхтение воздуха в воздушном фильтре — пуф… пуф… пуф… — да мягкий шелест широких зубастых покрышек по мокрому, усыпанному хвоей эвкалиптов асфальту.

В коляске справа от него, слившись в единое целое со стальной турелью, полулежала Яна. Девушка сняла предохранитель с ручного пулемета M240, заправила край двухсотпатронной ленты калибра 7.62 НАТО в приемник и прижала приклад к правому плечу, глядя сквозь пелену тумана вниз — туда, где у самого подножия гигантского бетонного быка северной опоры моста «Золотые Ворота» выступал в воду старый каменный мол гавани Форта Бейкер.

За сто метров до береговой кромки Силас плавно зажал оба тормоза — ножной задний и передний двухдисковый на руле, — бесшумно заведя черный мотоцикл за угол полуразрушенного кирпичного пакгауза старой минной станции.

Прямо перед ними, в сорока шагах за ржавой сеткой рабицы, начинался бетонный пирс.

У причальной стенки, покачиваясь на черной маслянистой волне прилива и глухо погромыхивая на холостых оборотах двумя водометными дизелями, стояла плоская, обшитая листами рифленого железа десантная баржа с откинутой на бетон носовой аппарелью. А в двадцати метрах мористее, прикрывая погрузку со стороны пролива, держался на плаву узкий, похожий на стальную акулу штурмовой катер на подводных крыльях типа «Кайман» — его крылья сейчас были сложены в водоизмещающем режиме, а на баке за полукруглым бронещитком торчала спарка крупнокалиберных стволов с прожектором.

На самом пирсе под стволами восьми бойцов в черных прорезиненных плащах-зюйдвестках, стальных нагрудниках из корабельных переборок и с укороченными флотскими винтовками M14 стояли на коленях в лужах морской воды двенадцать человек. Это были жители прибрежной рыбацкой общины из бухты Сосалито — старики в вязаных свитерах, три женщины с серыми от голода лицами и четверо подростков лет пятнадцати. Все они были скованы за шеи

одной длинной оцинкованной цепью с карабинами, а перед ними на ящиках из-под мидий стояли четыре бочки с собранным в руинах дизельным конденсатом и мешки с вяленой кефалью.

Старший абордажной команды Флота — коренастый боцман с бритым наголо черепом, в черном кожаном бушлате и с тяжелым флотским револьвером и абордажным тесаком-мачете на поясе — пнул носком сапога крайнюю бочку и рявкнул на стоящего первым в цепи седого рыбака в тельняшке:

— Четыре бочки конденсата вместо шести по разнарядке, старый краб?! И рыбы недовес в два центнера! Вы что там в своем Сосалито, решили, что Адмирал Коул будет жечь мазут на патрульных катерах вокруг вашей бухты за спасибо?!

— Шторма шли две недели, господин боцман, сети порвало о затопленные баржи у фарватера, а в руинах за холмом стая вышла из тумана, солярку сливать не с чего… — глухо, не поднимая головы, ответил старый рыбак. — Дайте хоть две ампулы ингибитора для мальчонки, у него вчера на руке споровый лишай проступил после чистки сетей…

— Ингибитор дается тем, кто выполняет норму поставок! — отрезал боцман и махнул рукой в черной перчатке двум своим матросам у трапа баржи. — Стариков и баб оставить на пирсе пусть сети вяжут до следующей недели, а всех четверых пацанов с цепи — в трюм баржи! Пойдут в третью смену на очистку днищ от ракушечника и резку кабеля в затопленных доках! Шевелитесь, пока прилив не сменился, с Флагмана передали по рации — к мосту идет какая-то сука с Тахо, надо перехватывать серпантин!

Двое морских пехотинцев с лязгом отстегнули замок цепи на шеях четырех подростков, выдергивая их из ряда за воротники курток и пинками загоняя по железной аппарели в черную пасть трюма баржи. Одна из женщин на пирсе закричала, попытавшись вцепиться руками в сапог конвоира, но удар прикладом M14 в плечо опрокинул ее лицом на мокрый бетон, усыпанный битой ракушкой.

Силас заглушил мотор, и в наступившей сырой тишине они минуту просто слушали, как дышит океан и перекликаются на пирсе конвоиры Флота. Яна осторожно повернула голову в шлеме к Силасу, разглядывая его седой профиль и свежую полоску белого бинта под воротником косухи.

— Плечо сильно тянет от морской сырости? — еле слышно прошептала она, придвигаясь к краю коляски. — Хейл предупреждал, что на побережье титан будет ныть первые дни.

— Терпимо, мелкая, — так же тихо ответил Силас, не отрывая взгляда от пролома в кирпичной кладке. — Когда перед глазами восемь ублюдков с винтовками ставят на колени стариков и пацанов, про ревматизм как-то забываешь. Знаешь, кого они мне напоминают?

— Людей Железного Барона в Неваде?

— Хуже, — Силас криво усмехнулся в седую щетину. — Барон был просто дорожным бандитом, который грабил караваны и не строил из себя спасителя. А эти в чистых черных бушлатах с якорями — точно такие же правительственные чистюли, какие двадцать лет назад запирали карантинные бараки на Тахо снаружи и зачитывали людям в мегафон параграфы

чрезвычайного устава, пока пулеметчики грели стволы. Я думал, они все давно сгнили. Оказалось — пересели на пароходы.

— Значит, придется напомнить им, что бывает с теми, кто строит клетки для людей, — в голосе Яны прорезалась сухая, взрослая сталь.

За углом кирпичного пакгауза Силас медленно снял правую руку с рукояти тормоза. Он наклонился к самому уху девушки в коляске и тихо разложил тактику по полочкам:

— Семь стволов на самом пирсе плюс боцман. Но главная дрянь — вон тот катер в двадцати метрах от стенки, на нем спарка пулеметов калибра 12.7 и прожектор. Если мы сейчас просто вылетим из-за угла и ударим по пехоте на бетоне — стрелок на катере за три секунды распилит и нас, и этих рыбаков на куски крупным калибром с воды.

— Значит, начинать надо с катера, — глаза Яны за прицелом M240 сузились. — Смотри на нос катера, Силас. Чтобы его не сносило течением пролива, пока баржа грузится, они не бросали якорь — они завели носовой стальной швартов через чугунный кнехт на пирсе прямо на барабан вон той старой электрической лебедки на краю стенки! И катер сейчас стоит кормой к волне, а его водометные сопла работают на малом переднем ходу внатяг против этого троса!

— А в десяти метрах правее катера из воды торчат старые железобетонные сваи разрушенного минного пирса и противолодочная боновая сеть из стальных тросов, — добавил Силас. — Если стрелок на катере сейчас получит пулю в лоб, а мы одновременно перебьем или сорвем носовой швартов на кнехте… то работающие водометы катера без рулевого сами бросят его с полного натяга вперед и вправо — прямо носом и подводными крыльями в эти бетонные сваи и стальную сеть!

— Я сниму пулеметчика на баке катера и рулевого в рубке первыми двумя очередями из M240, как только ты выкатишь коляску на линию огня из-за угла пакгауза! — четко прошептала Яна. — Но стальной трос швартова на кнехте пулей 7.62 с сорока метров не перебить — он в два пальца толщиной!

— А его и не надо перебивать пулей, мелкая, — Силас достал из тубуса в коляске старую армейскую термитно-зажигательную гранату AN-M14 TH3, которую прихватил еще из оружейки Батл-Маунтин, и опустил правую ногу на лапку кикстартера. — Огонь термита дает две с половиной тысячи градусов за две секунды — он переплавит натянутую стальную петлю на чугунном кнехте быстрее газового резака, когда мы пролетим мимо! Готова?

— Жги.

Силас со всей силы вдавил кикстартер вниз. Тысяча триста сорок кубиков расточенного двухцилиндрового «Харлея» взорвали сырую тишину гавани Форта Бейкер громовым, раскатистым рыком из двух прямоточных труб! Силас бросил сцепление на первой передаче с полным газом; заднее колесо мотоцикла с пробуксовкой выбило из мокрого асфальта веер щебня, и черный с матовым дюралем трехколесный зверь на скорости тридцать миль в час вылетел из-за угла кирпичной стены прямо на бетонное основание пирса!

В тот самый миг, когда переднее колесо коляски вышло на прямую линию визирования с водой, Яна с колена нажала на спуск пулемета M240! Две короткие, хирургически точные

очереди по пять натовских винтовочных патронов 7.62х51 со стальными сердечниками ударили сквозь туман! Первая пятерка пуль прошила тонкий противоосколочный щиток катера и грудную клетку стрелка навылет, а вторая очередь разнесла вдребезги лобовое стекло ходового мостика катера, уложив рулевого прямо на штурвал и рукоятку полного газа водометов!

Падая грудью на приборную панель, убитый рулевой катера собственным весом вдавил сдвоенный рычаг управления водометными турбинами вперед до самого упора — на режим «Полный боевой ход»! Два шестисотсильных турбодизеля внутри корпуса «Каймана» мгновенно взвыли на максимальных оборотах, катер рванулся вперед, но натянутый стальной носовой швартов на кнехте пирса со звоном удержал рвущуюся махину!

И ровно через две секунды мимо этого чугунного кнехта пронесся на сорока милях в час «Харлей» Силаса! Байкер, ведя тяжелую машину левой рукой, правой выдернул кольцо воспламенителя из серого цилиндра термитной гранаты AN-M14 и на полном ходу точно уложил шашку прямо в перекрестие натянутых витков троса на головке чугунного кнехта!

Термитный состав вспыхнул ослепительно-белым солнцем температурой в две тысячи пятьсот градусов Цельсия! Раскаленный жидкий шлак за полторы секунды прожег двухдюймовый стальной канат, и освобожденный штурмовой катер со скоростью сорок узлов сорвался с места вперед по дуге! Неуправляемая десятитонная стальная торпеда на подводных крыльях за три секунды пересекла гавань и со страшным грохотом врезалась острым дюралевым носом в железобетонные сваи старого минного мола и стальную противолодочную сеть! Топливные баки взорвались глухим багровым хлопком над водой, и горящие обломки перехватчика пошли ко дну в клубах белого пара!

А на самом бетонном пирсе Силас уже заложил крутой правый вираж вокруг штабеля бочек, разворачивая мотоцикл лицом к восьмерым пехотинцам Флота и барже! Силас пустил «Харлей» по широкой дуге на первой передаче, прикрывая корпус Яны в коляске чугунным блоком мотора, и одной правой рукой навскидку из револьвера «Ругер». 357 Магнум снял двоих матросов у аппарели баржи, а Яна вела длинным, прижимающим к бетону веером из М240 вдоль причальной стенки! Свинцовый ливень калибра 7.62 НАТО сбивал с ног в черную воду залива одного за другим стрелков в черных бушлатах!

Но бритый боцман на аппарели баржи схватил левой рукой за воротник крайнего из четырех отстегнутых подростков-рыбаков, прикрылся худым телом мальчишки как живым щитом и, пятясь задом внутрь бронированной рубки десантной баржи, правой рукой потянулся к красной рукоятке аварийного пуска кормовой дымовой шашки и радиомаяка вызова вертолетов с Флагмана!

— Он закрылся пацаном в проеме рубки баржи и тянется к рычагу тревоги! — крикнула Яна, мгновенно прекращая огонь.

Силас за рулем мотоцикла увидел, что под трехтонной носовой рампой баржи в шарнире сжаты две мощные торсионные пружины подъема, зафиксированные накладной стальной чекой сбоку!

— Сними каску с боцмана одиночным по касательной, чтобы он голову назад отдернул на полсекунды! — гаркнул Силас, направляя переднее колесо «Харлея» прямо к боковому шарниру аппарели у края пирса и выставляя в сторону правую ногу в тяжелом кованом сапоге!

Яна перевела огонь пулемета на одиночный выстрел и с двадцати метров послала одну пулю точно в верхний край черного шлема на бритой башке боцмана — на три дюйма выше головы зажатого перед ним пацана! Пуля со звоном сорвала каску с головы верзилы; от неожиданности боцман инстинктивно отшатнулся назад и ослабил хватку на воротнике мальчишки, который тут же нырнул головой вперед с аппарели на бетон пирса!

И в ту же десятую долю секунды Силас на скорости сорок миль в час вбил каблук правого сапога по торчащей рукоятке стопорной чеки торсионного вала аппарели! Чека вылетела из гнезда; мощные витые торсионы мгновенно распрямились, и тяжелая стальная аппарель взметнулась снизу вверх, как гигантская мухобойка! Стоявшего на середине железного листа боцмана подбросило в воздух и со страшной силой швырнуло спиной назад — прямо в острую стальную раму двери рубки! С глухим хрустом сломанных ребер и позвоночника грузное тело рухнуло на палубу баржи, так и не дотянувшись до красной рукоятки радиомаяка!

Силас подошел к трупу морского пехотинца, снял с его пояса связку ключей от палубных цепей и бросил ее в руки седому старику-рыбаку в тельняшке:

Старый рыбак дрожащими пальцами гладил зеленый металлический корпус аэрозольной капсулы «Штамма-Яна», которую дала ему Яна, и смотрел на двоих пришельцев так, словно перед ним стояли выходцы с того света.

— Дочка… — голос старика сорвался на шепот. — Мы ведь двадцать лет смотрели на эти горы за туманом и думали, что за ними только мертвая соль да грибной лес до самого Атлантического океана. Адмирал Коул каждую неделю по громкой связи на баржах говорил нам: «Вы — последние люди на Земле, берегите Флот, кроме нас никого нет». А вы пришли из-за гор… И говорите, там, в Неваде и на Тахо, снова зажгли свет?

— Зажгли, дедушка, — мягко ответила Яна, снимая шлем и встряхивая русыми волосами на морском ветру. — На плотине Тахо работают генераторы и лаборатория. В Юте в Гранитной горе живут сотни людей. Вы здесь не одни. И никогда не были последними — вас просто держали в темноте с завязанными глазами, чтобы вы не смели бросить весла.

Старик повернулся к спускающемуся с рубки баржи Силасу:

— Слышишь, командир… Если вы сейчас сунетесь вдвоем на этой барже на Алькатрас — вы же идете прямо в пасть дьяволу. Там внизу, под старой тюрьмой, у доктора Мортона никто живым не выходил. Зачем вам это, если вы уже принесли лекарство нам на берег? Уезжайте обратно в свои горы, мы сами как-нибудь спрячемся в лесах!

Силас подошел к своему мотоциклу, поправил ремень автомата на здоровом плече и посмотрел на старика долгим, спокойным взглядом:

— Если мы сейчас уедем в горы, отец, то завтра утром ваш Адмирал пришлет в твою бухту три катера с огнеметами, выжжет и ваш лес, и ваших внуков вместе с этой одной капсулой, чтобы никто в заливе не узнал правду. Я в своей жизни один раз уже оставил людей за колючей проволокой, надеясь, что все обойдется. Второй раз не оставлю. Забирай людей и уходи к мысу.

Яна достала из тубуса одну из зеленых аэрозольных гранат с фагом «Штамм-Яна» и передала ее старику-рыбаку для его заболевшего внука:

— Передайте всем общинам на северном берегу, чтобы через неделю возвращались на землю и жгли старые грибницы — эта капсула при распылении в сыром лесу заразит сам кордицепс вирусом распада, и он больше не вернется. Что там на карте у боцмана, Силас?

Байкер вышел из рубки баржи на крыло борта, держа в правой руке трофейную лоцию залива и кодовую таблицу световых сигналов маяка Алькатраса:

— Тут написано, мелкая, что эта самая десантная баржа через сорок минут по расписанию должна подойти к западному причалу острова Алькатрас и сдать в их подземный распределитель свежую партию рабочих и бочки с соляркой. А с Алькатраса раз в сутки на сам флагман «Mercy» ходит закрытый паровой буксир с продуктами и плазмой крови. Так что закатывай наш «Харлей» по доскам в трюм этого корыта и накидывай черный плащ морпеха. Посмотрим, как сидится в самой знаменитой тюрьме старого мира.

Глава 2. Скала в сером молоке

Два старых шестицилиндровых судовых дизеля «Cummins» в кормовом отсеке десантной баржи типа LCM-8 работали с глухим, надсадным ворчанием, выплевывая в свинцовую воду пролива жирные радужные пятна несгоревшего мазута. Плоскодонное стальное корыто длиной в семьдесят футов тяжело качало на короткой, злой тихоокеанской волне. Ветер со стороны открытого океана гнал через горловину Золотых Ворот плотные, слоистые валы утреннего тумана, в которых видимость падала до тридцати ярдов, а влажный воздух был таким густым, что оседал на ресницах, коже и металле соленой изморозью.

В открытом грузовом трюме баржи, прямо за поднятой и заклиненной стальными распорками носовой аппарелью, стоял растянутый на четырех такелажных ремнях черный «Харлей-Дэвидсон». Его чугунные цилиндры были накрыты мокрым брезентом, чтобы случайный наблюдатель с верхних ярусов острова не разглядел в бинокль мотоциклетный силуэт раньше времени, а рядом на рифленой палубе в ряд стояли четыре бочки с дизельным конденсатом и два трупа морских пехотинцев Флота, прикрытые мешками с вяленой рыбой.

Силас стоял в узкой бронерубке на корме, положив правую руку на холодные стальные спицы штурвала, а левой придерживая сдвоенный рычаг реверс-редуктора. Поверх своей косухи он натянул длинный, пропахший ворванью и порохом черный прорезиненный плащ убитого боцмана и надвинул на лоб глубокий капюшон-зюйдвестку, полностью скрывавший седую щетину и белые бинты на шее. На приборном щитке перед ним под треснувшим стеклом подрагивала в спирте картушка магнитного компаса — курс 115 градусов, строго на юго-восток, поперек главного судоходного фарватера, где скорость приливного течения достигала шести узлов и сносила тяжелую баржу боком, как щепку.

Яна стояла этажом ниже, у самого носового среза трюма, прильнув глазом к смотровой щели в стальном листе аппарели и держа в руке трофейную лоцию залива с красными пометками минных заграждений. На ее плечи тоже был наброшен черный матросский бушлат, а под полой на ремне висел снятый с турели коляски пулемет M240 с пристегнутым штурмовым коробом на сто патронов.

— Пять градусов левее бери, Силас! — негромко крикнула она назад по медной переговорной трубе, сверяясь со створом двух полузатопленных опор старого навигационного знака, едва проступивших из тумана по правому борту. — Нас течением сносит к южной кромке банки «Пресидио»! По карте боцмана здесь на глубине двух саженей в три ряда стоят старые якорные мины и притопленные баржи с арматурой!

Силас довернул штурвал на два румба влево, добавляя оборотов правому винту, и посмотрел за борт. В десяти метрах справа от их плоского днища, там, где мутно-зеленая вода пролива закручивалась воронками над подводной отмелью, из пены на секунду показался огромный, обросший бурыми бородами водорослей и белыми панцирями морских желудей железный шар с пятью свинцовыми колпаками-рогами. Старая гальваноударная мина береговой охраны времен первых месяцев карантина, удерживаемая на ржавом стальном минрепе в метре от поверхности.

Но на самой якорной цепи под шаром мины, прямо в ледяной воде, шевелилось что-то еще. Сквозь прозрачный гребень волны Яна в смотровую щель увидела, как за ржавые зве-

нья минного троса и торчащие из воды железные балки затопленного сухогруза цепляются десятки серых, разбухших от морской воды человеческих фигур. Утопленники. Тела зараженных, которых двадцать лет назад смыло в залив из затопленных коллекторов Сан-Франциско и Окленда. Высокая концентрация океанской соли не убила мутировавший штамм кордицепса — наоборот, грибница внутри их тканей вступила в чудовищный симбиоз с известковыми колониями морских рачков-балянусов и мидий. Их головы и грудные клетки превратились в сплошные зубчатые панцири из сине-черных раковин и белого коралла, спаянных воедино бурыми канатами водорослевого мицелия. Они не дышали воздухом, получая кислород через разросшиеся на шеях жаберные гроздья гриба, и висели в приливной зоне на минных цепях, как живые донные капканы.

Один из таких бронированных ракушками мутантов, почувствовав вибрацию винтов проходящей в пяти метрах баржи, оторвался от цепи и с нечеловеческой силой гребка бросился в воде наперерез судну, пытаясь ухватиться коралловыми наростами пальцев за рулевое перо кормы! Силас даже не тронул оружия. Увидев в кормовое окно тень под водой у самого правого борта, он просто резко переложил рычаг правого редуктора с переднего хода на полный задний на три секунды и снова вперед! Восьмисоткилограммовый стальной четырехлопастной винт баржи в кольцевой насадке с ревом всосал подвернувшегося под корму Утопленника вместе с потоком воды и с глухим каменным хрустом перемолол ракушечный панцирь и кости твари о стальное кольцо сопла, выбросив за корму бурое облако взвеси и осколков раковин!

— Хорошая мясорубка у них на корме стоит, — спокойно заметила Яна по переговорной трубе, провожая взглядом оседающую пену. — Только купаться здесь я точно не полезу. Знаешь, о чем я сейчас подумала, Силас?

— О чем, глазастая? — отозвался сверху байкер, всматриваясь в редеющую пелену впереди.

— В Вайоминге мы думали, что хуже слепых тварей в угольных шахтах ничего быть не может. В Неваде — что страшнее соляной пустыни и крылатых в разломе места нет. А теперь плывешь над этой черной бездной и понимаешь: старый мир везде оставил после себя зубы. Как ты вообще прожил в этом двадцать лет один и не сошел с ума?

Силас помолчал пару секунд, слушая мерный стук дизелей под палубой и глядя на ее русую макушку внизу у аппарели.

— Первые пять лет после Тахо я и не был в своем уме, мелкая, — негромко ответил он в медный раструб трубы. — Я просто искал дорогу, с которой не возвращаются. Брал самые гнилые заказы — в карантинные зоны, в гнезда Сталкеров, через территории банд. Думал: ну вот на этом перевале точно все закончится, и не надо будет больше просыпаться в четыре утра от тишины. А потом… потом Илья Матвеевич вытащил меня к тебе в Кратер. И оказалось, что сходить с ума мне больше некогда — за тобой глаз да глаз нужен, иначе ты обязательно затащишь наш мотоцикл на какой-нибудь ржавый пароход. Приготовься, выходим из полосы тумана прямо на причал.

Прямо по курсу из белого молока тумана наконец выступила Скала. Остров Алькатрас поднимался из черной воды залива отвесным стометровым монолитом рыжеватого песчаника и серого бетона, изъеденного вековыми штормами. На самой вершине утеса, над длинным трехэтажным корпусом бывшей федеральной тюрьмы строгого режима, возвышалась восьмигран-

ная башня старого маяка. На его куполе горел узкий, пробивающий мглу инфракрасно-желтый луч ксенонового прожектора, а вокруг галереи маяка виднелись мешки с песком и длинный ствол двенадцатимиллиметровой антиматериальной снайперской винтовки «Barrett M82». Ниже, у самого уреза воды на восточной стороне острова, бетонная причальная стенка старого паромного пирса была превращена в крытый бункер-док с подъемными решетчатыми воротами-гильотиной и щитом: «КАРАНТИННЫЙ ТЕРМИНАЛ №1 (СКАЛА). РАЗГРУЗКА СЫРЬЯ И ДОНОРОВ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.